

Условная сущность

Капли дождя, падая сверху, стремительно увеличивались и размазывали изображение, удирая из-под беспомощно моргающих ресниц. Вспыхнула молния, перекатываясь в ушах сердитым грохотом и всплесками луж.

- Достаточно! – сказал женский голос склонившейся надо мной фигуры в капюшоне. Меня схватили за волосы и поволокли по лестнице наверх, в сухое и просторное фойе.

- Сработало. Теперь я знаю про тебя кое-что, - сообщила Ольга, изящно откидывая черный капюшон и поправляя мокрую прядь длинных вьющихся волос.

- И что же? – поинтересовался я, выжимая мокрый плащ прямо на паркет.

- Там, где не хватает сахара, достаточно соли, - ее черные глаза ловили мой взгляд, пытаюсь понять, достаточно ли я усвоил эту информацию. – И еще: как правильно заметил один гениальный то ли писатель, то ли ученый, выход следует искать там же, где расположен вход.

- И все? – я был разочарован. – Когда ты предсказывала другим, ты всегда говорила прямым текстом.

- Слушай, я тебе передала то, что узнала сама. Если бы я знала, в чем будет заключаться твоя проблема, может быть, я бы смогла сказать больше. Но я не знаю. Честно.

Мне оставалось только вздохнуть и пожать плечами.

- Ладно, спасибо и на том. Правда, спасибо.

- Не за что. Скажешь спасибо, когда тебе это поможет, - подмигнула она. – А тебе поможет, я уверена. Не знаю почему, но уверена. Как обычно. Звони, если что.

Я ее понял. Ольга – инсайдер, а значит интуит. Она точно знает *что*, но понятия не имеет, *почему*. Я тоже интуит и тоже инсайдер. Но у нас разный дар. Ольга может предсказывать. На самом деле ей даже не нужны эти фокусы с дождем, она и так иногда знает будущее. Но для меня она не пожалела провести ритуал – она давно обещала погадать мне на дожде. Это очень красивый обряд, хотя и мокрый.

Я, в отличие от нее, не умею видеть будущее. Я вижу условную сущность вещей. Это, конечно, не такой очевидный инсайдерский дар, как ясновидение, но не менее однозначно определяет мою принадлежность странной группе людей, именующихся инсайдерами.

Я зашел в темный туалет и ногой нащупал педаль выключателя. Лампочка заструилась фотонами, отражающимися от стен, унитаза и потолка. Сделав свое недолгое мокрое дело, я обратил внимание на лужу, разрастающуюся под моими ногами. Лужа была фиолетовой и в разных местах имела различную яркость. Моего жизненного опыта вполне хватало на то, чтобы легко прочесть знак – кто-то снаружи уже нетерпеливо ожидает, пока туалет освободится. Я открыл дверь и наткнулся на переминающегося человека, который моментально заскочил внутрь и щелкнул замком.

Когда он войдет, он не увидит фиолетовой лужи. И Ольга бы не увидела. Потому что немногие могут видеть условную сущность вещей. Немногие видят мир таким же, каким вижу его я.

Я прошел в фойе и направился к выходу, улыбнувшись Ольге на прощание уголками глаз. Она кивнула, прощаясь в ответ, и я увидел, как вокруг нее разлилось небольшое пятно теплой радости от нашей встречи. У меня, наверное, тоже было такое пятно, но я мог увидеть его только в зеркало. Знаки никогда не мешают видеть обыкновенную сущность вещей, поэтому я не вижу потоков, которые порождаю сам, в противном случае они заслоняли бы мне окружающий мир.

Спустившись с крыльца, я сел в свою машину. Она терпеливо ждала меня несколько часов, и теперь была рада меня видеть. Она зарычала, набирая скорость, и я увидел желеобразный коридор шоссе. Когда едешь по дороге, можно сразу сказать, что здесь произошло за последние сутки. Примерно столько коридор помнит форму. Вот здесь, на перекрестке, студенистая масса рассечена по потолку широкой поперечной полосой-вмятиной с сосульками по краям. Это высокая фура-рефрижератор оставила свой след, проехав по перпендикулярной дороге пару часов назад.

А чуть дальше в коридоре пробита здоровенная брешь, и с краев этой дыры капает на пол. Здесь, очевидно, произошла авария, машина съехала на обочину и перевернулась. Самых машины и водителя уже нет, а брешь осталась. Надо будет впредь повнимательней ездить на этом участке дороги.

Обгоняю автобус, полный людей. Вокруг их голов лениво вьются тупые сонные мысли. Только вон тот паренек лет двенадцати думает о чем-то ярком и живом. О девушке, как пить дать.

Вглядываюсь вперед. Машина с румынскими номерами. Из багажника распространяется серо-голубое облако. Черт! Съезжаю на обочину и останавливаюсь, нервно сжимая в руках руль. У этих парней в багажнике труп. Это, конечно, не мое дело. Но иногда инсайдерские приколы заставляют меня нервничать. Обычный человек бы проехал и не заметил. Разве что обратил внимание на то, что румыны ездят в этих местах довольно редко. Я бы сейчас мог сделать звонок, и этих парней бы остановили на первом же полицейском пункте. Но я не вмешиваюсь, потому что никогда не смогу объяснить, как я это узнал.

Когда я был совсем маленьким, я не мог отличить знаки от обычного реального мира. То есть, от того мира, который виден всем. Я дергал маму за фартук и спрашивал:

- Мама, а что это такое летает вокруг головы Марты?
- Видеотапочки, - неожиданно отвечала мама. У нее было четырехмерное чувство юмора, которое я не всегда понимал, даже встав взрослым.
- Что ты говоришь такое, - говорила мне красивая, но строгая Альберта, которая была мне чем-то вроде няни, - ты же знаешь, что твоя мама...
- ... уехала очень-очень далеко, - перебивал я. - Ты уже говорила. Но все равно она тут.

Альберта качала головой и ничего не говорила. А я в который раз с разочарованием сознавал, что она не видит моей мамы. И все равно, не теряя надежды выкристаллизовать для себя знания об окружающем мире, я допрашивал Альберту, не знает ли она, что это летает вокруг головы у Марты. Альберта пожимала плечами и говорила, что, может быть, это комары или бабочки. Разочарованный, я покидал няню, чтобы предаться размышлениям, почему она не может отличить бабочку от ярко-красного облака из маленьких сердечек, копошащихся вокруг влюбленной Марты.

Помотав головой, я стряхнул с себя пыль воспоминаний и посмотрел на дорогу. Машина с трупом уехала, и дрожь в пальцах немного унялась. Пора было ехать дальше. И я бы поехал, если бы не отчетливый запах медикаментов и не настойчивое гудение зуммера в ушах. Еще пять лет назад я не смог бы понять, откуда взялось такое странное сочетание. Но сейчас я был почти уверен: надо взять трубку мобильного телефона и терпеливо выслушать просьбу помочь какому-нибудь приятелю.

Я перестал включать звонок у своего мобильного, потому что я и так знаю, когда мне кто-то звонит. Зуммер не дает мне заниматься своими делами, когда до меня пытаются достучаться. А запах лекарств свидетельствовал о том, что разговор будет о болезни.

Включив трубку, я услышал голос Вовчика.

- Айк? Привет. Ты бы не мог приехать посмотреть дочку? У нее какие-то странные симптомы.

Я машинально кивнул головой, даже не задумываясь о том, что мой собеседник меня не видит.

- Хорошо. Приеду через полчаса.

- Спасибо, - сказал взволнованный Вовчик и положил трубку.

Это сейчас я все тщательнее скрываю свой талант диагноста. А когда я только понял, что вижу нечто, чего другие не видят, я считал своим долгом сообщить о чем-то, что я вижу лучше других. И тем самым надеть на себя ярмо бескорыстного народного целителя. Теперь я стал осторожнее и помогаю только близким друзьям, которые уже давно знают о моей способности, или очень симпатичным мне людям, у которых происходит нечто настолько непоправимое, что только я могу их спасти.

Судя по тяжелому запаху медикаментов, сейчас Вовчик относился не только к первым, но и ко вторым, так что я незамедлительно выехал на дорогу и развернулся на сто восемьдесят градусов, в сторону его дома.

Дверь открылась, и я увидел Владимира – бледного и возбужденного. Сквозь глаза я видел мутную дымку тумана и паническое движение шестеренок в его голове.

- Спасибо, что приехал, - сказал он, пригласительным жестом зазывая меня внутрь. – А то я совершенно не представляю, что делать. Дарья заболела. Температура почти сорок, и говорит, что болит "что-то внутри". Что у нее там может быть, ума не приложу. Вызывали врача, он тоже ничего не нашел. Может быть, у тебя получится?

- Вова, я сделаю все, что в моих силах, - я попытался сказать это как можно мягче, - но ты знаешь, что я не профессионал.

Вовчик вздохнул и подтвердил мои слова кивком.

- Я знаю. Но если ты не сможешь, я не знаю, на что рассчитывать.

Пробираясь сквозь густой туман бреда больной дочери, я преодолел коридор и вошел в комнату. Глаза девочки были закрыты, но я видел, как беспокойно бегают под веками зрачки, пытаюсь найти укрытие от наполняющих ее сознание смутных высокотемпературных кошмаров.

Над одеялом Дарьи распростерлось странное розовое пятно – таких я раньше не видел. Оно вихреобразно крутилось и играло оттенками, оставаясь в то же время неподвижным. Это несомненно был знак, но что именно он мог означать,

я не мог даже предположить. Поэтому я взял стул, сел рядом с кроватью и начал рассматривать Дарью, пытаюсь разглядеть хоть сколько-нибудь понятные знаки.

В шесть лет или около того я понял, что вижу мир совершенно не так, как люди вокруг меня, а с тех пор, как Альберта сводила меня к психиатру, вообще перестал рассказывать о знаках другим людям, тщательно сберегая себя от сумасшедшего дома.

Всю свою сознательную жизнь я разъезжал по разным странам со съемочной группой "Bamboo Harvest". Мои родители, как говорили мне все, кого я об этом спрашивал, "уехали далеко-далеко", поэтому родителями мне служили все члены группы, которые в перерывах между съемками, пьянками и поездками воспитывали меня в духе умеренного демократизма и относительного свободомыслия, не позволяя мне, однако, сильно деградировать. Большую часть времени я был предоставлен самому себе и мог часами предаваться созерцанию мира и наблюдению за странными символами, доступными только мне одному.

Однажды, когда мне было восемь лет, ассистентка Марта упала с лестницы, и я заметил, как ее стройная ножка возле щиколотки стала прозрачной, как будто кто-то стер кусочек Марты ластиком. Это сравнение меня позабавило и почему-то прочно осело в памяти. А потом Марта стала жаловаться на боль в ноге, в том самом месте, где ее, по моим представлениям, "стерли". Когда ее отвели к врачу, выяснилось, что ее нога сломана, и она довольно долго ходила в гипсе. И все это время я мог наблюдать, как прозрачная часть ноги постепенно обрисовывается заново, как образуется тоненький перешеек, соединяющий ступню с остальной ногой, и как нога принимает свой первоначальный вид. Через два дня после того, как щиколотка Марты снова стала нормальной, ей сняли гипс, и я окончательно убедился, что мои странные "видения" имеют отношение к объективной реальности и иногда даже могут поведать мне то, о чем другие могут только догадываться. С тех пор я учился читать знаки и при каждом удобном случае проверял, насколько хорошо мне удалось понять, о чем мне рассказывает мироздание.

Сантиметр за сантиметром я исследовал девочку, не убирая с нее одеяла. Мне достаточно было особым образом сфокусировать свой взгляд, чтобы увидеть условную сущность любого из внутренних органов. Но одно дело увидеть, а совсем другое – понять, что это за внутренний орган и что с ним такое происходит. Может быть, если бы я по специальности был медиком, мне бы это не составляло труда, но моих анатомических познаний едва хватало на то, чтобы не заблуждаться в бесконечном сплетении функциональных узлов и узнавать основные внутренние органы.

Вот, например, вибрирующее облако сердечной мышцы. Я уже привык к чудесам и не удивляюсь тому, что оно имеет ту самую форму сердечка, которая изображается на валентинках и не имеет ничего общего с тем, как сердце выглядит на самом деле. Время от времени по сердечному облаку быстро пробегает что-то вроде радуги, но я не уверен до конца, то ли это какой-то скрытый порок, то ли мысли о симпатичном парне из соседнего подъезда.

Печень – это серый копошащийся муравейник, пожирающий суетящиеся снежинки питательной массы, которая приползла сюда из желудка – внушительной свалки с торчащими отовсюду железяками, пластиковыми бутылками и использованными презервативами. Никаких мыслей по поводу того, что означают презервативы, бутылки и железяки, у меня не было, но я знал, что

этот печальный пейзаж можно в той или иной вариации встретить в желудке у любого человека.

Далее мой пыливый взгляд наткнулся на течения разноцветных точек, в обилии снующих по всему организму. По предыдущему опыту я уже знал, что это кровь, лимфа, гормоны и еще тысячи разных веществ, чье движение поддерживает нормальную работу организма. Вот эти темно-красненькие таблеточки – это несомненно кровь. Бледно-желтые – то ли лимфа, то ли нервы. А значения большого скопления белоснежных крупниц, похожего на горку сахарного песка, и разбросанных серых пылинок рядом, которых было значительно меньше, я не знал, точно так же, как не мог однозначно установить назначения параллельных дорожек голубоватых кристалликов, протянувшихся под ребрами. И, к сожалению, помочь в этом мне не смог бы даже профессиональный хирург.

Чем дольше я наблюдал за танцами причудливых символов-шестеренок сложного дарьиного организма, тем яснее я понимал, что в десятках людей, которых я рассматривал раньше, все было в той или иной степени таким же, и никаких отклонений от нормы я увидеть не в состоянии.

Я поднял голову. Вовчик смотрел на меня с надеждой, но я покачал головой.

- Ничего не вижу. Во всяком случае, сейчас. Я зайду еще завтра, может, прояснится.

Я сам не знал, на что надеялся – то ли на то, что завтра признаки болезни будут выражены более четко, то ли просто ожидал, что Мироздание подкинет мне какой-нибудь знак. В любом случае, сегодня я эту проблему уже не решу – от напряжения голова наполнилась белым шумом, а мозг внутри ссохся до размеров грецкого ореха.

Пожав руку Владимиру, я вышел из дома и направился к машине. Внутри явственно отдавало чем-то гнилым или тухлым, и я понял, что зря не выключил радио – какой-то политик давал обещания. Этак со мной никто ездить не захочет. Впрочем, никто кроме меня не почувствует этого запаха, но мне от этого было не легче. Лучше бы передали прогноз погоды – я люблю запах дождя, который обычно освежает воздух на расстоянии метра от радио, если обещают ясную погоду.

Я выжал газ и устремился к дому.

Щелкнул замок, привычно раскрылась дверь, и реле в коридоре зажгло свет, чувствуя мое приближение. Я уже привык к этому ритуалу, и каждый раз автопилот в моей голове ненавязчиво суфлирует, что эта штука называется реле, хотя я не имею ни малейшего представления, как она устроена и даже как она выглядит. Но если бы не это реле, кто бы включал мне свет? Ведь я живу один.

И постоянно получаю один и тот же бесполезный совет от друзей – завести себе женщину. Я отбиваюсь вежливыми кивками, а сам думаю, что им никогда не понять, каково это – заниматься сексом, чувствуя условную сущность человека. Даже если это милейшая и невиннейшая девушка, ее символика может показать мне душные джунгли, кишачие змеями, и чертей, панирующих грешников на гигантских сковородках. Это напрочь отбивает всякое желание, даже несмотря на то, что я знаю, что это вызвано всего лишь острицами и проблемами на работе. Инсайдерские дары часто бывают о двух концах. Или даже больше.

Скинув ботинки, я прошел к холодильнику и налил себе минеральной воды. Единственное, чего я могу и хочу пить много – это вода. Условная сущность

алкогольных напитков и колы просто отвратительна. Молоко я пью, зажмурив глаза, чтобы не видеть сидящий на краю стакана призрак убиенного тельца или стоящего в молоке по пояс мужика в грязном халате и наблюдающего в микроскоп, в зависимости от того, искусственное молоко или натуральное. Пару лет назад я случайно открыл учебник по биологии и узнал этого мужика, чему от неожиданности был очень удивлен. Оказалось, это был Луи Пастер, но при всем уважении к великому ученому мне не хочется видеть его одновременно в засаленном халате и в моем стакане.

Залпом опорожнив стакан с хороводом шариков минеральных солей, я рухнул в кресло и задумался, по-роденовски уперев лоб в кулак. Я хотел понять, что случилось с Дарьей.

- Температура сорок, и говорит, что "болит что-то внутри", - отчетливо сказал Вовчик у меня в ушах.

Я не врач, откуда мне знать, отчего у людей бывает высокая температура? А "что-то внутри" – это зиллионы сантиметров поверхности, которые могут болеть, и сотни (если не больше) разных органов, которые могут быть не в порядке. Единственной подсказкой было пятно. Огромное розовое пятно. Что это? Точно не сердце, не печень, не почки, не желудок и не легкие. А больше органов я особенно и не знал.

Достав с полки здоровенный анатомический справочник, я начал изучать разрез человеческого тела, пытаюсь сопоставлять скудную карту внутренних органов с тем безумным и нелепым миром, который я видел, склонясь над больной девочкой. Кое-где на картинку уже были нанесены карандашные рисунки, сделанные моей рукой после предыдущих осмотров. Это были те детали, которые не менялись никогда и у всех людей выглядели одинаково. Будь я художником, я бы не пожалел сил и времени, чтобы изобразить это абсурдное многообразие на большом листе бумаги и повесить на стену. Но, увы, в моих силах было только набросать схематичный эскиз, чуть более аккуратный и симпатичный, чем у шестилетнего ребенка.

Мой палец скользил по улицам ребер, выходя на шоссе позвоночника, спускался вниз, к скользким шарнирам суставов, но не видел ничего, что могло бы быть связано с большим розовым пятном. Если бы я был хорошим логиком, я мог бы логическим образом понять, что из этого могло символизировать пятно. Но я – чистый интуит, и все знания о символах, которые доступны мне на настоящий момент – это плоды осенений, вспышек, догадок и озарений. И если я когда-нибудь узнаю, что означает пятно, это произойдет точно также.

Я шумно захлопнул фолиант. Мне нужен отдых. Желательно, чтобы это был здоровый восьмичасовой сон. Вздохнув, я мечтательно посмотрел на незаправленную с утра постель и увидел пушистое белое облако, покачивающееся на нежно-голубом полотне чистого неба.

"Плыви ко мне", - мысленно попросил я, прикрывая усталыми веками покрасневшие глаза. И облако медленно двинулось ко мне, обволакивая меня теплым густым пухом своего тумана.

Главой нашей съемочной группы был режиссер Мигель. Уверен, если назвать его фамилию, большинство из вас вспомнит с десятков нашумевших фильмов, которые он снимал. Естественно, снимал он их не один, а с "Bamboo Harvest". Нам платили деньги, за это мы снимали им картины. Я тоже помогал в меру своих сил, но постоянной специальности у меня не было.

Однажды мы снимали сцену на газопроводе. Не знаю уж, почему это так необходимо было делать именно там, но Мигель, человек твердый и властный, потребовал, чтобы сцена была снята именно там. Может быть, ему за это заплатили газовщики, чтобы прорекламирровать свою продукцию, или это было требование продюсеров – но мы не стали возражать, потому что знали: режиссер сказал "надо" – значит, надо.

- Айк, дружок, сбегай к директору подстанции, скажи, что нам понадобится снять несколько дублей на той вышке, - обратился ко мне Мигель. Он всегда добавлял "дружок" к моему имени, чего не позволял себе по отношению ко всем другим членам команды. Он вообще довольно хорошо ко мне относился, наверное, я был для него чем-то вроде талисмана. Больше я не мог придумать никаких объяснений, потому что пользы от меня было весьма немного. Но то, что я мог сделать, я делал с удовольствием и беспрекословно, и теперь я тут же быстрым шагом направился вдоль трубопровода к рабочему коттеджу директора.

Бесконечный удав тянулся вперед и назад до горизонта, загораживая мне обзор по левому борту. Концептуальное, но довольно унылое зрелище, подумалось мне, прежде чем я увидел красивую синюю корону, кольцом окутавшую трубу и плюющуюся крохотными протуберанцами. Я даже на мгновение забыл поручение босса и остановился, как зачарованный. Приглядевшись, я увидел, что это кольцо не простое, а с камнем – в одном месте рядом с кольцом играли изумительные разноцветные искры.

Через пару минут, налюбовавшись зрелищем, я продолжил путь к директору, раздумывая о том, что эта корона может означать. Директор был у себя в кабинете и заполнял какие-то бумаги.

- Мигель просит передать, что ему на пару дублей понадобится ваша вышка, - сказал я невысокому круглому человечку в черном деловом костюме. Тот кивнул, не отрываясь от бумаг.

- А еще, - добавил я, - у вас течь на газопроводе. Человек резко поднял глаза и пристально посмотрел на меня.

- Откуда ты знаешь? – по голосу чувствовалось, что он заволновался.

- У меня чутье, - как обычно, я не стал вдаваться в подробности, а списал все на интуицию.

- Поехали, покажешь, если ты в этом уверен. Только не пытайся надо мной подшутить, это очень серьезно.

Я кивнул, и через две минуты мы уже ехали вдоль газопровода. А еще через три дня, когда наша группа уже собиралась уезжать, директор подстанции пришел ко мне и предложил остаться у него, чтобы работать диагностом.

Открыв глаза, я увидел потолок. Ничего удивительного, я проснулся лежа на спине и увидел потолок. Я плохо помнил, как я вчера лег спать, наверное, я очень устал и рухнул на постель почти в беспамятстве. Ощупав себя, я понял, что сплю раздетым, и удивился – неужели моих сил хватило и на это?

Продирая слипающиеся веки, я приказал своим ногам вести меня в ванную. Зубным бульдозером я расчищал хребет своих зубов от ночного налета и думал свои утренние мысли. Утро – достаточно философское время дня, утром зачастую в голову лезут экзистенциальные проблемы и пафосные риторические вопросы. Даже стаканчик с гигиеническими приборами способен с утра вызвать поток сознания. В нем стоят зубная щетка (правда, сейчас, как я уже упоминал,

она в моих руках), бритва и пена для бритья. Все это стоит у меня на полке в одном экземпляре, включая сам стаканчик, напоминая мне о том, что я живу совершенно один, без сожителей, без семьи и без домашних животных. Я живу так с тех самых пор, как директор подстанции предложил мне остаться на газопроводе.

Помнится, он пришел таким же сонным утром, как сегодня. Его предложение было совершенно неожиданным для меня, и я тогда еще не мог знать, что тому утру суждено стать последним утром, которое я провожу не в одиночестве. И в тот же день я объявил съемочной группе "Bamboo Harvest" о своем намерении остаться на неплохом окладе в газовой компании.

- Веди себя хорошо, - сказала Марта. Она была немногословна.

- До свидания, сынок, - сказала мама. Я знал, что другие ее не видят, и почему-то был уверен, что она поедет со мной, но по каким-то непостижимым причинам она решила остаться. – Будь тщателен, объезжая кочки. И не забудь сморкаться, если подхватишь насморк.

С этими словами она подмигнула и исчезла. С тех пор она являлась только на праздники, чтобы поздравить меня с днем рождения или пожелать счастливого рождества или выкинуть какую-нибудь диковинную шутку на первое апреля.

После того, как со мной попрощалась почти вся команда, ко мне подошли Альберта и Мигель.

- Ты уходишь, - начала Альберта, немножко запинаясь и почему-то смущаясь, что никак не соответствовало образу строгой воспитательницы, сформировавшемуся у меня за два десятка лет, - и может быть, мы больше никогда тебя не увидим. Ты уже достаточно большой, и мы сообщим тебе кое-что важное...

Я был заинтригован и настроился слушать.

- Дело в том, что... твои родители – мы всегда говорили тебе, что они уехали, помнишь? Так вот, на самом деле у тебя нет родителей. Тебя вырастили в пробирке.

Это заявление было для меня таким шоком, что я сел.

- А кто был генетическим донором? – машинально спросил я, все еще переваривая услышанное.

- Мужским донором был я, - признался Мигель, - так что в некотором смысле ты мой сын.

- А женским?.. – я не мог представить себе, что мама не была моей истинной мамой, а была женским донором. И если она даже им и была, то почему ее видел только я?

- У тебя не было однозначно определенного женского донора, - ответила Альберта, - женскую хромосому для тебя собрали из нескольких женщин.

Значит, у меня не было матери. Условным отцом был Мигель (вот почему он так хорошо ко мне относился!), а матери у меня не было. Даже условной.

Размышляя потом долгими вечерами над загадкой условной мамы, я понял одну странную и удивительную вещь: я вижу условную сущность даже тех вещей, которых нет.

Погрузившись в воспоминания о первом дне своей самостоятельной жизни, я не заметил, как почистил зубы, приготовил яичницу и налил себе чаю, поэтому несколько удивился, обнаружив себя сидящим за столом с кружкой горячей жидкости в руке. Жидкость эта была чаем, но в то же время я определенно чувствовал, что это не чай. На поверхности кружки бушевало море. Я еще не

видел напиток, у которого на поверхности было бы море, пусть это даже всего лишь условный символ. Поэтому я уставился на кружку и сидел так, наверное, несколько минут, пытаюсь понять, что это за напиток и почему он появился у меня в доме. Через некоторое время до меня дошло, что я просто пересолил чай.

По всей видимости, задумавшись, я положил туда соль вместо сахара. Три чайных ложки соли. Попробовав чай на вкус, я убедился, что моя догадка верна.

- Там, где не хватает сахара, достаточно соли, - сказала Ольга.

Я поставил кружку обратно на стол и растерянно посмотрел на результат собственной задумчивости. "Как-то странно день начинается", - подумал я и машинально провел рукой по-над морем, как будто хотел разглядеть волны.

Как ни странно волны действительно разгладились, уступая место обычной тягучей сахарной пене, которую я видел в чае каждый день. Я помотал головой. Потом протер глаза. Потом попробовал чай на вкус: он был сладким, как будто я только что превратил соль в сахар.

- Выход следует искать там же, где расположен вход, - напомнила Ольга.

Я изменил условную сущность чая, подумал я. Гениально. Я могу изменять реальность. Впрочем, это-то как раз было не ново. Покажите мне человека, который не может изменять реальность, и я посмеюсь вам в лицо. Меня потрясло то, как я это сделал.

А ведь вчера (и теперь я помнил это точно) я примерно таким же образом разделся и лег в постель. Это было облако. Именно оно раздело меня и уложило спать. А что, если точно таким же образом я могу, скажем, заводить машину? Покупать носки? Вылечить Дарью?...

"Вылечить Дарью", - подумал я и ракетой вылетел из квартиры.

Розовое пятно стягивалось у меня на глазах. Мне почти не требовалось прикладывать для этого усилий, это получалось почти само. Пока шел (как я надеялся) процесс излечения, голова просто кипела от мыслей и воспоминаний – о том, как в детстве я делал водные замки в бане, собирая капельки в причудливые структуры, а взрослые жаловались на сухость воздуха, о том, как я помогал расти кактусам, вытягивая их за торчавшие из цветков шнурки роста, и как однажды обеспечил хорошую погоду для пикника, прогнав с крыльца дождевого койота.

Я удивлялся, как я раньше не замечал, что могу не только видеть знаки, но и влиять на них. Ведь где есть вход, там обязательно найдется выход, и все это две стороны одной и той же категории.

Вместе с этим мне досаждали сложные экзистенциальные рассуждения о том, как все это вообще возможно и почему это стало возможным именно для меня, а главное – что мне теперь делать с переосмысленным даром, который, как мне казалось, возлагал на меня определенную ответственность за свои поступки и даже мысли. Я почти бредил наяву, пытаюсь расправиться с этим комплексом нравственных и философских проблем.

- Звони, если что, - сказала Ольга.

"Наверное, стоит ей позвонить" подумал я, небрежным жестом стирая из реальности точку, в которую стянулось розовое пятно дашиной болезни. "Ведь она знала заранее, что я ей позвоню. Теперь я это тоже знаю."

- Вроде все, - обратился я к Вовчику. Позвони мне завтра, расскажешь, как она будет себя чувствовать, ладно?

- Хорошо, - кивнул в ответ Владимир. – Позвоню.

Это будет просто проверкой, не больше. Интуитивно я и так знал, что девочка уже практически здорова. Теперь мне предстоит решать задачку не про девочку Дашу, а про инсайдера Айка, который впал в странную фрустрацию.

И, похоже, кое-кто уже знает, как эту задачку решать.

Я вынул телефон и стал набирать ольгин номер.

2005-10-02 © Yeg, <http://yeg.weirdwire.ru>